

**АПОЛЛОН
ГРИГОРЬЕВ**

**ОЛИМПИЙ
РАДИН**

*«Олимпий Радин» — рассказ в стихах талантливого русского поэта, переводчика и литературного критика Аполлона Александровича Григорьева (1822–1864).****

Олимпий Радин — человек гордый, дерзкий, прямолинейный, острый на язык. Его жена — красивая и богатая женщина, в которую влюблено пол-Москвы, но она верна своему мужу. Но однажды в гостях у одной семьи, Олимпий влюбляется в их дочь...

Другими известными произведениями Аполлона Григорьева являются «Мои литературные и нравственные скитальчества», «Листки из рукописи скитающегося софиста», «Стихотворения», «Видения», «Поэмы», «Предсмертная исповедь», «Первая глава из романа «Отпетая»», «Venezia la bella».

Несмотря на то, что Аполлон Александрович Григорьев не пользовался особой популярностью среди читателей, его творчество высоко ценил Достоевский. Кроме того, Григорьев переводил на русский язык произведения Байрона, Мольера, Шекспира и других гениев мировой литературы.

Аполлон Александрович Григорьев ОЛИМПИЙ РАДИН

(рассказ)

1

Тому прошло уж много лет,
Что вам хочу сказать я,
И я уверен, — многих нет,
Кого бы мог я испугать бы
Рассказом; если же из них
И есть хоть кто-нибудь в живых,
То, верно, ими всё равно
Забвению обречено.
А что до них?
Передо мною
Иные образы встают...
И верю я: не упрекнут,
Что их неведомой судьбою,
Известной мне лишь одному,
Что их непризнанной борьбою
Вниманье ваше я займу...

Тому назад лет шесть иль пять назад,
Не меньше только, — но в Москве
Ещё я жил... вам нужно знать,
Что в старом городе я две
Отдельных жизни различать
Привык давно: лежит печать
Преданий дряхлых на одной,
Ещё не скошенных досель...
О ней ни слова...
Да и мне ль
Вам говорить о жизни сей?
И восхищаться бородой,
Да вечный звон колоколов
Церквей различных сороков
Превозносить?..
Иные есть,
Кому охотно эту честь
Я уступить всегда готов;
Их голос важен и силён
В известном случае, как звон
Торжественный колоколов...
Но жизнь иную знаю я
В Москве старинной...

Из всех людей, которых я
В московском обществе знавал,
Меня всех больше занимал
Олимпий Радин...
Не был он
Умом начитанным умён,
И даже дерзко отвергал
Он много истин, может быть;
Но я привык тот резкий тон
Невольно как-то в нём любить;
Был смел и зол его язык,
И беспощадно он привык
Все вещи называть по именам,
Что очень часто страшно нам...
В душе ль своей, в душе ль чужой
Неумолимо подводить
Любил он под итог простой
Все мысли речи и дела
И в этом пищу находить
Насмешке вечной — едко-злой,
Над разницей добра и зла...
В иных была б насмешка та
Однообразна и пуста,
Как жизнь без цели...
Но на чём
Страданья гордого печать

Лежала резко — и молчать
Привык он — о страданьи том...
В былые годы был ли он
Сомненьем мучим иль влюблён —
Не знал никто; да и желать
Вам в голову бы ни пришло,
Узнав его, о том узнать,
Что для него давно прошло...
Так в жизнь он веру сохранил,
Так был о полон свежих сил,
Что было б глупо и смешно
В нём тайну пошлую искать,
И то, что им самим давно
Отринуто, разузнавать...
Быть может, он, как и другой,
До истин жизненных нагих,
Больной, мучительной борьбой,
Борьбою долгою постиг...
Но ей он не был утомлён, —
О нет!
Из битвы вышел он
И здоров, и горд, и невредим...
И не осталось за ним
Ни страха тайного пред тем,
Что разум отвергался ем,
Ни даже на́ волос любви
К прошедшим снам...
В его крови